

ДМИТРИЙ
АГАЛАКОВ

Ведьмы

ХОЛОДНОГО

Острова >

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ

ДЕТЕКТИВНЫЙ

РОМАН

Дмитрий Агалаков

Ведьмы Холодного острова

Авторский текст
<https://litres.ru/63422796>

Аннотация

<p>Юля Пчелкина с группой студентов-археологов приезжает в пригород Семиярска на раскопки. Тут обнаружили древнее языческое святилище, в котором тысячу лет назад совершались человеческие жертвоприношения. Рядом, в середине затянутого туманом озера, есть остров, на котором всегда жили отшельницы – рыжеволосые ведьмы.</p> <p>В первый же день Юля подслушивает разговор аспирантов и своего профессора. Однажды ночью аспиранты увидели женщину с распущенными волосами – она подходила к их лагерю, но они спугнули ее. Профессор Турчанинов требует, чтобы аспиранты не распространяли дикие слухи среди молодежи. Лагерь археологов начинает жить своей жизнью с находками и любовными романами, пока не пропадает одна из студенток – красавица Жанна. А когда ее находят, то видят, что у девушки вырезано сердце...</p> <p>Юля и ее новые друзья, охотник Кирилл Белозерский по прозвищу Следопыт и старый чудакархивариус Феофан Феофанович Позолотов берутся раскрыть это чудовищное злодеяние.</p>

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дмитрий Агалаков

Ведьмы Холодного острова

– В тот день войско числом более тысячи обступило Русалочье озеро. Другие стрельцы уже вязали местных жителей. И хотя те клялись, что сами боятся такого соседства, им не верили! А может, и правильно, что не верили. Мало ли что вам скажут злоумышленники днем. В ягнят превратятся, а ночью – и нож в бок, и клыки в шею! Послушайте, я прочитаю вам из записок путешественника и царева слуги Махровцева: «У местных и выпытали, что верховодит островом ведьмак огромной силы, видом как цыган. Огромный, косматый, с темной кожей, с серьгой в ухе. По имени Щерь. Его в окрестных сёлах не раз видали. Иные шептались, что сам дьявол поселился у них, выбрал их землю для постоя. Когда Щерь проезжал по рынкам, ему все за так выкладывали. Бери – не хочу! А он еще нос воротил! Самое лучшее отдавали. Таким его видели днем, а кем он обращался ночью? Говорили, и медведем, и волком, и сомом-великаном. Ревом и воем наполнилась земля ночами вокруг острова! Однажды некая женщина бросилась к Щерю в ноги и закричала: „Отдай Алёнушку, дочку мою! Верни мне кровиночку!“ У женщины той пропала два года назад дочь, и люди говорили, что видели эту дочь вблизи Русалочьего озера. А Щерь ей и ответил: „У тебя еще две дочки осталось. Мало тебе?“ И

женщина отошла от него, потому что поняла, куда клонит ведьмак. Ведь он может забрать и других ее дочерей!.. Пищальники царские, присланные взять Щеря под стражу, в страхе разбежались, когда ведьмак им сказал: „Свинец ваш, охотники, к вам сейчас и вернется!“ И страшно захохотал, и ответили ему и быки мычанием, и ржанием лошади, и собаки залаяли, и свиньи захрюкали. Точно понимали его! Как такое окаянство терпеть можно было?..» – Глаза старого архивариуса Позолотова устрашающе вращались за толстыми линзами очков. Казалось, он сам вот-вот взлетит и станет кружить по своей гостиной, заваленной книгами, над головами запуганных им гостей. – Так вот, на плотах и лодках, – уже от себя продолжал Позолотов, – которые стащили к озеру, стрельцы поплыли к Холодному острову через туман... Лодки и плоты прошли завесу, и воевода увидел чудесный зеленый остров. Прямо-таки райское место! А потом показалось и другое – избышки на курьих ножках! Избы на сваях, потому что весной остров-то подтопляло! А приказ был воеводе таков: остров окружить и сжечь. И всех, кто там живет, перебить. Никого в плен не брать. И останки тоже сжечь и закопать, и святой водой окропить всю эту землю! На острове, по подсчетам царевых слуг, жило-поживало около полусотни ведьмаков да ведьм, и тех, кого они околдовали и силой уволокли, в рабство безраздельное взяли. – Положив руку на свой фундаментальный труд, Позолотов приготовился к самой увлекательной части рас-

сказа. — Тысяча человек уже высадилась и обступила остров, у половины в руках факела, вот-вот подожгут они остров со всех концов!.. И тут стрельцы увидели, как из лесочка вырвалась и заметалась по берегу собачья стая. Это и понятно, звери бегут прочь от огня! Тут стая сорвалась с берега — и в воду! И поплыла к большой земле. Понятно, стрельцам не до собак. Они бросились с пищалями, мечами да копьями в дома, заглянули под каждый куст. Везде искали схроны, а нет никого! Пуст ведьмин остров! И тут у воеводы сердце екнуло. Что такое? Вспомнил он: возжак у той собачьей стаи был — здоровенный черный патлатый пёс. И когда уже стая плыла к большой земле, уже перед туманом, возжак-то и обернись черной своей мордой на воеводу — и оскалься ему! Совсем не по-пёсьему! Понял воевода, что это и был Щерь! Что ушли ведьмаки и ведьмы с острова в обличье собак. Да не просто так ушли, — глядя на девушку и молодого человека, вдруг зловеще рассмеялся архивариус. — Чтобы вернуться однажды!..

Часть первая

Недобрая слава

Глава первая

За рекой живут нелюди

1

Все студенты-историки ездят в археологические экспедиции. Даже если ты не собираешься посвятить свою жизнь раскопкам, извлекая из-под земли останки давно почивших людей, глиняные черепки, каменные ножи и наконечники стрел, ты просто обязан хоть одно лето «поработать в поле». Так именуют свой труд тайные агенты и археологи. Ты должен коснуться того, что осталось от былых веков, не только перелистывая архивные фолианты в библиотеках, будоража воображение и неистово фантазируя, а своими руками. Должен научиться радоваться кусочку запекшейся в древней доменной печи глины – осколку примитивного сосуда, должен с наслаждением взирать на обломок большеберцовой кости человека, жившего до тебя за тысячи лет, должен плакать от

восторга, отыскав среди ломких ребер бронзовую загогулину – украшение давно истлевшей пещерной красавицы.

Конечно, не всем археологам удастся открыть гробницу фараона, доверху набитую золотом. Того же Тутанхамона, например. Просто Тутанхамон всего один, да и фараонов не так много, как археологов. И до Египта или Месопотамии доедет не каждый студент. Тем более из России. Но и великие просторы нашей многонациональной родины тоже подчас делают подарки. В Поволжье, например, тьма-тьмущая древних курганов. Ройся – не хочу. К могильникам древних ариев и других народов тянутся студенты-археологи со всей России, и дорога эта не зарастает уже долгие годы.

Сюда, на Среднюю Волгу, под село Раздорное, в середине лета и приехала на практику очередная группа историков из МГУ. Еще дома, в альма-матер, профессор Турчанинов, обладатель ухоженной седой бородки и усов, сказал своим студентам:

– Вас ждет месяц увлекательной работы в поле. Под городом Семиярском, как вы знаете, в шестидесятых годах прошлого века была обнаружена некая культура, которую археологи называли «Черным городищем». Деревенька была рядом, Черныши, потом она опустела, бросили ее местные жители. Так вот, в этих местах на Волге тысячелетиями сталкивались десятки племен. Миграционные потоки были огромны: славяне, тюрки, финно-угры. Нас, энтузиастов, мучил один вопрос: кем же был этот народ? Стоило перешагнуть черту

времен и попасть в культурный слой, которому более тысячи лет, наши коллеги обнаружили множественное захоронение обуглившихся останков. Но со временем, мои юные коллеги, ученые все чаще стали обнаруживать одну особенность, когда находили останки сожженных. И особенность эта ставила их в тупик. – Профессор окинул своих студентов интригующим взглядом. – Грудные клетки захороненных людей были проломлены, и все в области сердца, что говорило о ритуальном убийстве. Иначе говоря, этих несчастных приносили в жертву. И в большом количестве! Кого тут убивали – врагов, захваченных в плен, как это делали на американском континенте кровожадные инки? Или это были жертвоприношения своих же, провинившихся членов племени, рабов? Предметы быта тоже ставили в тупик. Украшения и глиняная посуда могли принадлежать разным народам. Всего несколько лет назад сделали анализ ДНК, и выяснилось, что этот народ впитал в себя гены множества племен. – Профессор прошелся по аудитории. – Но еще раньше было сделано важное открытие. – Он остановился и зорко взглянул на студентов-археологов. – Городище возникло вокруг небольшой каменной горы, внутри которой оказались карстовые пустоты. Двадцать пять лет назад ваши предшественники дошли до этой горы и обнаружили пещеру-святилище с языческим каменным идолом. Примитивное изображение его лица с раскосыми глазами говорило, скорее, о тюркском или финно-угорском происхождении идола, нежели славянском.

Устрашающий лик свидетельствовал о его функции так называемого «злого бога» – беспощадного к врагам племени. У подножия «Великого монгола», так его прозвали студенты, был огромный каменный алтарь. Желоб для стока крови не давал повода сомневаться, что тут и приносились множественные жертвоприношения. Не исключено, что человеческие. Так кто они были, жители «Черного городища»? На этот вопрос пытались ответить мы, студенты МГУ, еще сорок лет назад, на этот вопрос хотела ответить предыдущая группа аспирантов, кстати, которые были там всего месяц назад и нашли много интересного. Под моим руководством, разумеется. А теперь на этот вопрос попытайтесь дать ответ вы, студенты нескольких курсов. Что вам, Пчелкина?

– Венедикт Венедиктович, а там речка есть? – спросила светловолосая студентка с зелеными лисьими глазами. – Рядом с этим Городищем?

– Там есть огромное озеро, Юленька, – кивнул профессор. – В одном километре.

– Значит, купальники брать? – улыбнулась его самая способная ученица.

Девушки весело засмеялись. Вопрос был актуальным. Но задать его вот так, с вызовом, могла только такая умница-разумница, как Юля Пчелкина. Отличница и спортсменка. Гордая красотка с чуть вздернутым носом, о которой ходили слухи, что она раскрыла в городе Вольжанске зловещее преступление и даже получила за это медаль от государства.

И слухи эти были вполне достоверны.

– Ну, разумеется, – развел руками Турчанинов. – А также удочки и сети, катера и водные лыжи. Вы не развлекаться едете, молодые люди, а пахать. В буквальном смысле этого слова. Этот славный и жаркий месяц вы у меня под землей проведете. Среди призраков прошлых столетий. Клятвенно обещаю вам.

2

И вот теперь, преодолев на поезде около тысячи километров, проехав на автобусе еще пятьдесят, студенты вошли в лагерь археологов. Его охраняли два аспиранта и один кандидат наук. Увидев долгожданную младшую смену, старожилы возрадовались – им до смерти хотелось домой. Юля Пчелкина нашла отметку с цифрой «7», тут должна была стоять ее палатка, которую ей предстояло разделить еще с одной девушкой, бросила рюкзак и сумку в общую кучу и отправилась искать умывальник.

Это оказался не простой умывальник. Дюралевые ручко-мойники с язычками тянулись двумя шеренгами над чугунными раковинами – уникальный сервис в походных условиях. Все для студентов. Эти ряды разделяла высокая фанерная перегородка. Один ряд, таким образом, для мужчин, другой для женщин. Юля умылась, а когда вытиралась полотенцем, услышала приближающиеся голоса. Мужчины го-

ворили так, точно секретничали. И один голос Юля узнала сразу – он принадлежал профессору Турчанинову.

– Тут какая-то чертовщина происходит, Венедикт Венедиктович, – негромко сказал кто-то незнакомый. – Это может напугать кого угодно, особенно девчонок.

– Говорите толком, Женя, – потребовал профессор и заколотил ладонью по умывальнику. – Ну, где ты, водичка? Пошла, родимая! – оживился он. – Оо-ох, как я в этом автобусе изжарился.

Юля сразу догадалась, кто был вторым – кандидат наук, карауливший с двумя аспирантами лагерь. Несомненно, он собирался доверить профессору нечто важное, и Юля непроизвольно затаилась.

– Вы помните, когда мы еще стояли большим лагерем, месяц назад, наши видели женщину вдальеке – то на ближних холмах, то на нашем берегу озера? И всякий раз в одежде до пят. Простоволосую, рыжую, помните?

– Ну, мало ли кто может сюда забрести? – шумно умываюсь, откликнулся профессор. – Не мы одни на земле живем, Женя!

– Вот именно, – откликнулся кандидат наук. – Но тут – другое...

Турчанинов то и дело ударял по языку умывальника, щедро журчала вода, профессор фыркал и отплевывался.

– Весь кошмар состоит в том...

– Да говорите же толком, Евгений! Чего вы тянете кота за

хвост!

– Это фильм ужасов какой-то...

– Вы издеваетесь?

– Рассказываю. Мы как-то с ребятами сидим у костра, ночью. Я встал, отошел по нужде. И вижу – у ближних деревьев стоит женщина в белом, как в ночной рубашке, шагах в тридцати от меня, – Женя понизил голос, – можете себе представить? Из-за дерева вышла! Стоит и смотрит – на меня смотрит! Причем опустив голову, исподлобья. А волосы у нее распущены, по плечам и по груди. А (у вот меня) дыбом на макушке встали! Луна светила меж деревьев, я эту женщину разглядел. Сама белая, как привидение! Мне страшно стало; язык проглотил, честное слово! В землю врос! А потом спросил: «Ты кто? Чего тебе надо? – А она стоит и смотрит. Мне еще хуже. Говорю: – Я шас своих позову! – И вот тут она словно дрогнула и на меня шагнула. Я как заорю: – Ребята! Сюда! На помощь! Скорее!» Как видно, получилось у меня громко. Наши ребята в ответ завопили. А она, эта, в белом, уже ведь шагов пять в мою сторону сделала. Но когда увидела наших с фонарем, отступила за дерево. Но фонарь по ней скользнул – по ее белому балахону, я точно видел. Ребята мигом подлетели, даже газовый пистолет прихватили, думали, а вдруг зверь какой? Я им все и рассказал. Мы втроем туда, в темноту, пошли. Но там уже никого не было. Мои аспиранты и говорят: «Евгений Петрович, да привиделось вам! Темно ведь! Мало ли!» Но я с ума-то пока не со-

шел. И трезвый был! Я вообще не пью, сами знаете. Как тут ошибиться, когда мы с этой гостьей в белом балахоне друг на друга минуты полторы пялились? И не растаяла она в воздухе! Просто отступила и ушла! Не призрак, значит. В этом все дело!

– Думаете, розыгрыш? – спросил Турчанинов.

– Да бог его знает. Но я после этого ни одной ночи толком не спал. В лес смотрел – все глаза проглядел... Вы помните, что нам Трофим Силантьевич рассказывал?

– Бредни все это! – вдруг разозлился профессор Турчанинов. Его словно иголкой ткнули. – И тогда говорил, и сейчас повторю: стариковские бредни из глухомани! Не верю! – Его искреннему возмущению не было предела. – Домовые, лешие, ведьмы! Мифология это все, Евгений Петрович! Сами не знаете? Гром гремит, молнии сверкают – стало быть, Зевс гневится! Или Перун! Хрен редьки не слаще. Громовержец, одним словом. Вот что это такое! Мы с вами взрослые цивилизованные люди, и не пристало нам повторять всякую чушь.

– Пусть так. Но на том острове, за туманом, кто-то живет. И мы с вами знаем об этом. Я лично там видел в бинокль ещё одну женщину – тоже в белом балахоне, и тоже рыжую.

– Ну и что с того? – усмехнулся профессор. – Повсюду люди живут. Чего бы и на этом острове кому-то не жить? Мало ли людей, кому общество не нравится? Я бы тоже с превеликим удовольствием половину жизни провел бы на каком-ни-

будь острове в полном одиночестве. В белом балахоне, кстати. Как древний грек. Сколько бы написал! Отшельничество – великая вещь. Для избранных!

– Только этих избранных не больно жалуют, как я понимаю. И боятся.

– Евгений Петрович, Женечка, не мне вам объяснять, как тысячелетиями складывались отношения между людьми. Огненно-рыжих, в частности, сторонились, потому что рыжий – цвет золота, угасания природы, цвет осени. Смерти! Выселяли рыжих на край деревни. Ну а колдуны и ворожеи всегда селились на отшибе. Их одиночество обрастало легендами. Я вас умоляю...

– Там всегда холоднее, чем в других местах. Я ведь это не придумал. И туман над рекой. Остров всегда в этом тумане.

– Это да, но мало ли? Может, там необычная роза ветров? Холодные источники? Мы с вами историки – а тут надо у климатологов справляться.

– А как насчет пропадающих людей, Венедикт Венедиктович?

– Я вас умоляю, Женя! – повторил рассердившийся не на шутку профессор. – Вы ведь это только от него слышали, верно? От старого болтуна Трофима Силантьевича? Если бы тут и впрямь кто-то пропадал, сюда бы армию вызвали. Мы живем в варварской стране, но не настолько же!

– Не только от Трофима Силантьевича. Местные из Раздорного много чего нам наговорили. Что этот остров рыбаки

оплывают стороной. Что туда и власти не суются. Про ведьм нам говорили. Честное слово.

– Я бы высек вас, Евгений Петрович, – ледяным тоном вымолвил профессор Турчанинов. – Да права не имею, а жаль!

– Говорили, что ведьмы с острова могут появиться и на нашей стороне, – закончил мысль кандидат наук, – и даже подойти к лагерю...

– Нет, я бы вас пытал огнем, – поправил сам себя научный руководитель. – Уж коли вам так дороги культурные находки Средневековья!

Приближались новые голоса.

– Вот что, Евгений Петрович, – услышав их, настоятельно проговорил Турчанинов, – не распространяйтесь об этих средневековых бреднях, будьте так любезны. Ни к чему нам эти рассказы. Пусть ребята спокойно работают, ищут кости и черепки. И не думают ни о каких привидениях и ведьмах...

Это были последние слова, которые услышала Юля из интригующей беседы профессора Турчанинова и его помощника. Она затаилась, решила не выдавать себя. А голоса и задорный смех ее друзей и знакомых уже катились к двум рядам унылых дюралевых ручноймыльников.

И когда стайка знакомых девушек вынырнула из-за барьера, Юля взяла зубную щетку, мыло, полотенце и двинулась по направлению к палаткам. Когда она проходила по дорожке, то ей открылось поле за лагерем. Место их будущей работы. И поднимавшийся над полем пологий курган, внутри ко-

торого столетиями грозно возвышался каменный идол, требовавший себе кровавых жертв.

Трое сторожей лагеря отчитались перед профессором Турчаниновым, быстро собрали вещички, пожелали молодым коллегам удачи и были таковы.

– Ну что, эстафету вы получили, – сказал профессор. – После обеда у нас экскурсия к идолу. Делать подношения не обязательно. А пока устраивайтесь.

Самому Турчанинову устраиваться нужды не было – его дожидалась комфортабельная палатка на три комнаты, с гостиной, кабинетом и спальней.

– Интересно, а камин у него есть? – спросил Руслан с пятого курса, когда студенты ставили свои палатки.

Он подмигнул яркой брюнетке с четвертого курса, Жанне, о которой ходила молва, что у нее роман с одним из молодых перспективных педагогов с кафедры иностранных языков и она из этого педагога веревки вьет. Жанна отфутболивала всех, кто «клеился» к ней, – говорили, педагог собирается жениться на красотке.

Одетая в короткие джинсовые шорты и черную майку, Жанна тянула минералку из горлышка, глядя на работающих ребят. Она радовала глаз своим присутствием, к ее высокой груди тянулись взгляды многих, в том числе и мужчин-педагогов, как они с этим ни боролись, и даже профессор Турчанинов не мог отвести от нее глаз.

– Да черт с ним, с камином, – откликнулась Жанна. – Есть

ли у нашего Венедикта Венедиктовича джакузи, вот вопрос? Я бы не отказалась расслабиться перед сном. Как ты думаешь, Русик, он меня пустит?

В университете многие студенты, хоть и с разных курсов, знали друг друга. А в поезде успели все перезнакомиться, у кого-то уже возникли многообещающие симпатии. Все вопросы расставляет, как правило, первая ночь в лагере. Ее и ждали. А еще костра, гитар, песен! Всепоглощающей романтики дикой жизни на природе, вдали от родителей, условностей, правил.

– Посмотрел бы я на того, кто тебя не пустит, Жанна, – развел руками спортсмен Руслан. – Я бы для тебя домашний кинотеатр сюда привез!

– А электричество, Русик? – спросил кто-то из ребят.

– Протащил бы кабель до первой электролинии, – глядя на Жанну, кивнул тот. – Легко!

Ей это предложение понравилось. Мало кто видел, что на Жанну в эти минуты с неприязнью смотрела еще одна студентка – худощавая, совсем незагорелая, с жидким светлым каре и большими серыми глазами, не лишенными привлекательности. Она нервно курила, сидя на лавке, и переводила взгляд с Руслана на Жанну и обратно. Юля приземлилась рядом с ней.

– Хватит уже, Зойка, – бросила Юля. – Ваша история быльем поросла. Слышишь, подруга? Ответь, если ты в сознании.

– Я тебя слышу, – слабо откликнулась Зоя.

– Отлично.

Тут же плюхнулся и огромный Сашка Чуев, богатырь в очках, эрудит и большой добряк.

– Сашка, скажи ей, – попросила Юля.

– Насчет чего?

Все трое были из одной группы.

– Насчет этой кинозвезды, – она кивнула на Руслана, ловко монтирующего большую палатку-дворец.

Сашка поморщился.

– Это было один раз, Зоя, на Новый год, – вразумительно напомнил он, – на столе в аудитории, ты сама говорила, то есть – мимоходом...

Юля не удержалась – выстрелила коротким смешком и тут же закрыла ладонью рот:

– Молчу!

Сашка Чуев продолжал:

– Красавчик-Руслан был пьян, рядом никого не оказалось...

– Ну, спасибо, – процедила Зоя и сделала нервную затяжку.

Чуев пожал плечами:

– Обычная история!

– Не для меня.

– Для него, разумеется, – согласился Сашка. – Для тебя это как... как что, Юлька?

– Не дразни ты ее, – отозвалась Пчелкина.

– Как открытие Америки, или... как получение «Оскара».

– Козлы вы, а не друзья.

Чуев с улыбкой вздохнул:

– Не загоняйся, Зойка. Каждому свое. Ты меня понимаешь?

Все это – суровая реальность жизни. Надо смириться.

Зоя сделала глубокую затяжку.

– Он у меня сердце украл, – выдохнула и закашлялась.

– Я тебя умоляю, – простонала Юля. – Сидишь, вон, живая. Даже куришь.

Зоя усмехнулась.

– Я уже год как без сердца живу, – ровно произнесла Зоя.

– И курю одну за одной.

– Ну и живи, – кивнула Юля. – И порть себе здоровье.

Аргументы на ее однокурсницу не действовали, и Юлю это раздражало.

– Ты, Юлька, красивая, ты только и делаешь, что от мужиков отбрыкиваешься...

– Начинается, – злясь, прошипела Юля.

– Но ведь это правда, Юлька, – не смог скрыть улыбку Сашка. – Ты – супер! Не знаю, как уж часто ты там отбрыкиваешься, но факт есть факт.

– Благодарю, – прохладно бросила Юля.

– И Руслан к тебе подкатывал, – продолжала Зоя.

– Серьезно?! – удивился гигант Чуев. – Когда?

– Она тебе не говорила? – усмехнулась Зоя. – Еще как

подкатывал! Но она и его отшила. Принцесса!

– Я же не могу спать со всеми, кому нравлюсь? – категорично заметила Юля. – И потом, я терпеть не могу самовлюбленных мужиков. – Она смотрела на мускулистого и улыбочивого Руслана, который светился от своей силы и мужской красоты, зная, как он привлекает женщин. – Я таких на дух не переношу.

– А я его люблю, – очень тихо сказала Зоя. – До смерти люблю. Всего. Понимаете? А этой примадонне, – она устремила взгляд на Жанну, курившую в той же компании и время от времени заливисто смеявшуюся, – я крысиного яда насыплю в манную кашу.

– Следи за тем, что говоришь, – посоветовала Юля.

– В этом лагере и насыплю. Ее домой в гробу привезут.

Сашка зевнул и покачал головой: мол, ужас! Юля разделяла его чувства.

Зеленый лес вокруг наполнился птичьими голосами. Солнце хорошенько припекало. Лагерь строился на глазах. Яркие палатки поднимались одна за другой. А вот столы под навесами – для работы с археологическими находками – уже были. Наследство предыдущей группы. Только ройся в земле, ищи с утра до ночи останки былых культур! И стояла походная кухня, и один длинный стол под надежным клеенчатым навесом – обеденный, тоже ждал новых студентов. Новых молодых и прожорливых едоков.

– Ничего, найдешь себе кого-нибудь попроще, – миролю-

биво посоветовал Сашка. – Маленького, худенького, скромного...

– Да пошел ты, – совсем обиделась Зоя.

– Уже уйду. А главное, чтобы на Брюса Уиллиса не был похож...

– Хватит тебе, – оборвала товарища Юля.

– Или на Мела Гибсона, – не удержался тот.

– Говорю же: пошел ты, – повторила Зоя.

– Нет, правда, Зоя, этот позёр не для тебя. – Юля хотела быть убедительной. – Он так и будет сливки по верхам хватать, пока не состарится. А тебе нужен хороший надёжный парень.

– Вот отравлюсь, будете тогда знать, – вымолвила Зоя.

– Боже, – пробормотал Сашка.

Юля и Саша переглянулись – и оба встали.

– Но вначале его отравлю, – с ядовитой улыбкой проговорила Зоя вслед удаляющимся однокурсникам. – И эту тварь, нашу примадонну...

Она осталась сидеть на лавке тощей хилой тучкой. Но очень опасной, если приглядеться к ней внимательнее.

...После обеда Турчанинов провел своих питомцев через коридор в культурном слое и остановился у входа в пещеру, закрытую специально сконструированным шлагбаумом. Один из помощников профессора Турчанинова держал в руке большой походный фонарь.

– У кого фонари – включаем. – Он включил свой, поменьше, и направил его в сторону пещеры. – В лицо друг другу не светить. Великий монгол страшен, поэтому нервных прошу держать себя в руках. И не толкаться: пещера большая, поместимся все. Заходим.

И ребята колонной потянулись в пещеру – культовое сооружение тысячелетней давности. Стены пещеры были аккуратно обтесаны. В центре пещеры возвышался каменный идол в два обхвата – по каменному лику тотчас забегали лучи фонарей. Студенты горячо зашептались. Юля не скрывала радости от «личной встречи», да еще в этом сыром и мрачном подземелье. Она сотни раз видела его на фотографиях – злобного примитивного истукана с раскосыми глазами, похожего на кочевника, но увидеть его живьем было ой как любопытно. Идол стоял на каменной плите, у его ног было широкое круглое углубление, похожее на полость гигантской посуды, от углубления шел неровный широкий желоб.

Почти все ребята приложили свои руки к идолу. Юля дотронулась до него с трепетом. Пористый камень, не видевший солнечного света тысячу лет, был сырым и холодным даже сейчас, в разгар июня месяца.

– Римка, а ты чего? – шепотом спросила Юля.

Однокурсница упрямо сцепила руки за спиной.

– Ну его – злой он. – Она даже передернула плечами. –

Брр!

– Да, урод он первостепенный, – согласилась Юля. – Такой

ночью приснится – не встанешь.

Свет фонариков, летавший снизу по каменному лику, делал его особенно страшным. Турчанинов коротко рассказал, как его нашли. Он сам, еще кандидатом наук, был свидетелем этой находки.

– Эта чаша в плите под ним, мы полагаем, есть не что иное, как языческий алтарь, на котором приносили в жертву «монголу» тех самых несчастных, тут их убивали и вырезали им сердца, а желобок, как вы понимаете, для крови. Она стекала в землю. Трудно даже представить, как плотно пропиталась эта земля человеческой кровью. Этот акт, разумеется, символизировал «кормление идола».

После этой подробности желание прикоснуться к каменному изваянию сразу поубавилось.

– Интересно, а идол делится силой? – отрывая от камня руку, тихонько спросила Юля.

– Злой силой! – шепнул ей на ухо Чуев. – Кто на него долго будет смотреть, тот окажется в его власти.

– А вдруг, Венедикт Венедиктович, я после такого зрелища заикаться начну?

Это был голос Кащина – популярного шута из Юлиной группы.

– Вылечим, – заверил его Турчанинов.

– Или хуже того, в постель мочиться будем, – заметил уже другой голос.

А это был второй шут – его друг.

– И тебя вылечим, Курочкин, – заметил педагог.

– Вот и от армии откосите, – заметил Чуев. – Только стойте подольше.

Многие засмеялись.

– Шутки шутками, ребята, – услышал его профессор Турчанинов, – а ведь нашлись такие, кто действительно решил, что наш «монгол» – проводник злых духов. Об этом даже выходили статьи в семярских газетах. Двадцать лет назад «монгола» пытались взорвать, но он устоял.

– А злоумышленников нашли, Венедикт Венедиктович? – поинтересовалась Юля.

– Подозрения падали на одного молодого человека, но из-за нехватки улик его отпустили. Ладно, подышали сыростью, и хватит. Теперь я вам покажу сами раскопки, бесценный культурный слой Черного городища, и определю фронт работы на завтра.

К вечеру сборная команда археологов достроила свой городок и приготовилась к тяжелым трудовым будням. Сделать предстояло многое и многое найти. Все, что отыскала предыдущая группа, было увезено для экспертизы в Москву.

– Завтра приедет подвода с едой, – на закате, когда студенты разожгли огромный костер, сказал Венедикт Венедиктович Турчанинов. – Нам ее поставляет из села Раздорного замечательный мужичок – Трофим Силантьевич. Любите его и жалуйте. Это приказ.

Профессор назначил дежурных, поставил следить за молодежью одного из своих помощников и отправился в комфортабельную палатку спать. Устал старый профессор. Да и привык он просыпаться на зорьке.

К полуночи в середине лагеря жарко горел огромный костер. Десятка три студентов сидели вокруг него. По кругу ходила гитара. Пили вино, его разрешили, как и пиво, но были и крепкие напитки. Они разливались и передавались тайно. Впрочем, тут не аудитория, отойди в лес и выпей хоть боценок, кто увидит? С другой стороны, профессор пообещал, что того, кого встретит пьяным, отправит домой и поставит неуд. Поэтому студенты хорошо понимали, что стоило быть осторожными.

Часа в два ночи мальчишки и девчонки уже прижимались друг к другу без оглядки на старших. Тут были и пары, и одиночки – они ехали в экспедицию за приключениями и новой любовью. Это помимо исторических находок, разумеется. И вот после первых чарок вина великое притяжение полов сыграло свою роль. Возникшие симпатии были налицо. Руслан полулежа прижимал к себе роскошную Жанну, она залиvisto смеялась в его могучих спортивных объятиях. А он иногда склонялся и целовал ее в губы. Из темноты – через костер – с ненавистью смотрела на них худышка Зоя. Но был и еще один молодой человек, тоже худощавый, с нервным лицом. Он смотрел на Жанну, привалившуюся к своему избраннику, и по лицу его так и скользили черные тени гнева,

зависти и лютой бессильной злобы.

«Кто же он? – пыталась вспомнить все замечавшая Юля. – Вроде бы Жаннин однокурсник. Только из другой группы. Кажется, Владлен Сурков. Так что, еще одно разбитое сердце?»

Но большинство были счастливы, большинство молодых людей с интуитивной нежностью льнули друг к другу, и гитарный бой походной песни в руках очередного менестреля вместе с огнем, искрами и дымом летел в ночное небо.

Юля, уже изрядно выпив, повеселев и даже чуть-чуть потеряв разум, откинулась на чьи-то колени и руки, и ей было так удобно и легко в этих руках. И даже на жестких коленях. Потом она запрокинула голову и увидела над собой сухощавое волевое лицо, короткую стрижку, добрые глаза. Она уже видела прежде это лицо, и не только в лагере, в университете тоже. Это был старшекурсник, и звали его, как казалось Юле, Гошей. Или Гариком? Он был так мил! И мужественен одновременно. И улыбался, глядя в ее глаза. Весело и скромно, что очень нравилось требовательной Юле.

– Иди сюда, – горячим шепотом произнесла она.

Гитара звенела, нестройный хор ревел бардовскую песню.

– Куда идти? – спросил он.

– Сюда, глупый, – проговорила Юля и вытянула руки вверх.

Парень еще не понял, что ему делать, и лишь слегка наклонил голову.

– Ближе, бестолковой, я тебя поцеловать хочу, – закрывая глаза, рассмеялась она. – Чего тут непонятного?

– Что ты хочешь? – хмурясь, не понял он.

Возможно, из-за хохота и звона гитары он решил, что не расслышал ее.

– По-це-ло-вать! – произнесла Юля по слогам. – Я – тебя. – Она говорила с ним так, точно он плохо слышал. – Теперь понял? Или ты не хочешь?! – Юля готова была подскочить с его колен от негодования.

Вот когда лицо парня ожило. Дошло наконец!

– Хочу, – живо кивнул он. – Очень хочу, Юля...

Да и кто бы отказался! Принцесса предлагала сама. И он знал, как ее зовут.

– Иди ко мне, а то передумаю, – потребовала Юля.

Он потянулся к Юле, но она не вытерпела и, обняв его за шею, притянула к себе. Этот поцелуй был упоительно долгим и горячим. Поцелуй передался токами всему ее телу, и прерывать его оказалось бы преступлением. Он зажег их обоих. Молодой человек уже сам, хоть и осторожно, сгреб Юлю крепкими руками и теперь не желал отпускать. Она только один раз дернулась, решив, может быть, хватит и пора им остановиться, но он точно не услышал ее. Или не захотел услышать? И она решила – пусть! А он уже целовал ее в шею, в ключицы, в начало груди – ее джинсовая рубашка была расстегнута на добрых три пуговицы, а то и на четыре!

Их двоих не замечали. Сейчас все были заняты друг дру-

гом. Разбуженные чувства требовали продолжения – нежности, любви, счастья. И вино сделало свое дело. Надзиратель, поставленный профессором, давно скрылся. Да и кто отважится помешать такому празднику? В первый-то день! Даже сам Венедикт Венедиктович не решился бы! Гитара и смех рвали ночь. А в центре жарко горел костер, выбрасывая снопы искр, и сизые клубы дыма бойко поднимались вверх.

Юля и молодой человек еще бродили вокруг лагеря, по долгу целовались у деревьев, время от времени натываясь на своих же ребят, отвечавших им смехом и ободряющими шутками, потом Юля сказала:

– У меня голова кружится, проводи меня до палатки.

Они проходили по их лесочку, когда увидели двух девушек. Те стояли двумя тенями друг против друга. И складывалось ощущение, что одна мешает пройти другой. Девушка покрупнее, фигуристая, хотела обойти вторую, худощавую, но та сделала шаг в сторону и преградила ей путь. Было ясно, что так продолжается уже не в первый раз.

– Говорю еще раз – уйди, – сказала первая.

– Не уйду.

– Уйди.

– Оставь его – он мой.

– Чей он?! – усмехнулась фигуристая. – Твой?! Ты себя-то в зеркале видела? Скажи, Зоя, видела?

– И что?

– А то.

– Что? Что? – с ненавистью спросила худошавая.

– Ты же – сопля. Глиста, понимаешь?!

Худошавая попыталась ударить противницу, но та отступила, и пальцы нападавшей лишь задели ее щеку.

– Ах ты тварь! – вырвалось у фигуристой, и она с размаху и ловко вlepила худошавой пощечину, да такую, что та отшатнулась и едва не упала. – Ну что, ты этого хотела, Зоя, да? Ну так ты получила. – Она провела ладонью по щеке. – Если хоть одна царапина останется, глиста, смотри, я тебя размажу...

Ее противница, собравшись, вновь бросилась на фигуристую, но та была готова к атаке. Худошавая получила еще один хлесткий удар – и еле устояла на ногах, отшатнулась.

– Еще хочешь? Мало тебе, да?

– Ты – шлюха, Жанна, ты живешь с раздвинутыми ногами, об этом все знают!

Первая зло и весело рассмеялась:

– А ты свои сколько ни раздвигай, никому не нужна! Русик тебя оприходовал только потому, что упился в зюю, не видел, бедняжка, кто перед ним!

Худошавая в бессильной ярости и в третий раз бросилась на ненавистную противницу, но та вновь ловко отступила и поставила ей подножку. Нападавшая растянулась на траве и тотчас заревела. Она давилась горьким рыданием, захлебывалась, и что-то время от времени с негодованием говорила. «Ответишь за все...» – услышала Юля обрывок фразы.

Ее спутник хотел было вступить, помочь и сделал шаг в сторону дерущихся, но Юля удержала его.

– Это не наше дело, – сказала она. – И свидетелей им не надо, поверь мне. Зойка, дура, напилась и сама напросилась...

– Ну что, остыла? – как ни в чем не бывало спросила фигуристая. И тут же с презрением бросила худощавой: – Говорю тебе еще раз: не твоего он полета мужик. Ясно? Ты ему на один раз была. Как презерватив. Он тебя поимел и выкинул. Еще раз полезешь – я тебе всю физиономию разобью. Пошла отсюда, дура.

– А я тебе крысиного яда в суп насыплю, – с трудом садясь, бросила худышка и зло засмеялась. – Слышишь, Жанка, отравлю я тебя.

Тон, каким это было произнесено, и возникшее молчание говорили сами за себя. До победительницы, кажется, дошло, что это не пустая угроза. Но она не захотела выдать своих опасений.

– Смотри у меня, Зойка, – с угрозой проговорила Жанна, – увижу тебя на своем пути – пожалеешь. Ближко не подходи – руки тебе переломаяю. Я сумею. Опозорю тебя так, что повесишься. Тварь.

Сказала, плюнула и пошла прочь, оставив худышку сидеть в траве.

– Дела, – пробормотала Юля. – Шекспир отдыхает. Пойдем искать палатку, а? Меня тошнит, Гоша...

Еще минут пятнадцать они искали палатку Пчелкиной. Два раза Юля залезала в чужой дом, извинялась, во втором ее хотели оставить, кто-то сказал: «А мы тебя, Пчелкина, ждали!» – голос был явно Кащина. – Все думали, когда придет наша гетера?» – и только на третий раз попала по адресу. И то лишь потому, что у палатки курила ее одноклассница, а теперь и соседка Римма.

– Ну, ты и нажралась, Юлька, – сказала та, сама уже теплая. – Первый раз тебя такой вижу. Спортсменка, блин. Фигуристка.

– А я первый раз такая, – парировала Юля. – Надо же когда-то начинать.

Повернулась, обняла своего нового друга, поцеловала взад, потом отпустила, сказав: «До завтра», хотя завтра наступило – уже потихоньку светало, встала на колени и заползла в палатку.

– Повезло тебе, – за ее спиной бросила Римма. – Растопил сердце Белоснежки.

«Цыц! – услышали оба из палатки. – Убью тебя, Римка!»

– Она строгая, – вздохнула Римма. – Хлебнешь ты с ней.

3

Днем голова Юли Пчелкиной раскалывалась. Вино, коньяк, вермут, водка и много чего еще, смешанное накануне, сделали свое дело.

– Дура, вот дура, – натирая виски, повторяла она.

Еще в палатке было душно.

– Тебе повезло, – голосом ожившей покойницы из фильма ужасов простионала Римма. – Ты не куришь. А вот я, Юлька, подышаю... Скажи нашему профессору, что у меня заворот кишок.

– Скажу, – пообещала Юля, достала из сумки зеркальце и с предчувствием самого худшего поднесла его к лицу. – Ужас, Римка...

– Что такое?

– Синяки под глазами, вот что.

– Ну что, девки порочные, поднялись уже? – тяжело и низко спросили у их палатки. – Я зайду?

– Заползай, – откликнулась Юля. – Только не пугайся наших лиц...

– Я пуганый, – отозвался гость. В палатку, согнутый в три погибели, влез гигант Сашка Чуев. – Да-а, – протянул он. – У меня в вашей берлоге очки запотели. Ладно, сейчас весь лагерь страдает. Там Трофим Силантьевич продукты привез.

– Трофим Силантьевич? – оживилась Юля. – Тот самый?

– Какой еще тот самый? – переспросил Чуев. – Он знаменитый, что ли? Обыкновенный Трофим Силантьевич, мужичок на подводе. Старичок.

Но обрывок разговора, услышанный накануне, уже взбудоражил Юлю. «Вы помните, что нам Трофим Силантьевич рассказывал?» – спросил кандидат наук Евгений. А в ответ

услышал от Турчанинова гневное: «Бредни все это! Стариковские бредни из глухомани! Домовые, лешие, ведьмы! Мифология это все, Евгений Петрович! Мы с вами взрослые цивилизованные люди, и не пристало нам повторять всякую чушь!»

Юля выкарабкалась из палатки и, встав на цыпочки, потянулась. Свежий воздух дурманил. Пели птицы. По лагерю бродили полусонные студенты. Готовились к позднему завтраку. Первый день им дали выспаться – потом, знали все, поблажек не будет. За Юлей выбрался и Чуев.

– Ну, прям ожившие мертвецы, – обзревая лагерь, сказал он. – Точно?

– Ага, – согласилась Юля.

– Юлька, молока купи у этого Силантьевича, – из палатки простонала Римма.

– Куплю, если будет, – отозвалась Юля.

– Может, водочки, Римма Александровна? – обернулся Чуев.

– Шутишь? – простонала умирающая Римма.

Руководитель экспедиции Венедикт Венедиктович Турчанинов появился как раз в тот момент, когда было произнесено песnezвучное слово «водочки». Он проходил мимо палатки с хворостиной, словно собирался высечь кого-нибудь. И тренировался на своей ноге, похлестывая ее.

– Здравсьте, Венедикт Венедиктович! – выпалил Чуев.

Юля повторила его приветствие.

– Так кому тут водочка понадобилась, Чуев?

– Это шутка была, – оправдался Сашка.

– А-а! Ну, а в палатке кто помирает? Скворцова?

– Да, – скромно кивнула Юля.

– Вот что, Пчелкина, Чуев. И вы, Римма Александровна,

– громко обратился он к палатке. – Вам, как и другим, я даю время оклематься до обеда. Сегодня первое утро в лагере, смотрите, чтобы оно не стало для вас последним. В два часа вас ждет культурный слой. Пейте молоко. Отрезвляйтесь. Приходите в себя. Я буду беспощаден, – сказал он, хлестнул себя по ноге хворостиной и с видом надсмотрщика двинулся дальше.

Из соседней палатки, куда ночью по ошибке врывалась Юля, выглянула голова их однокурсника и спросила:

– Ушел?

– Ушел, – ответил Чуев.

– А еще я слышал слово «водочки».

– Это было гипотетическое предложение, – охладил пыл однокурсника Чуев.

– А-а, – разочарованно простонала голова.

Но не скрылась, продолжая следить за развивающимися событиями.

– А у этого Силантьевича молоко есть? – поинтересовалась Юля.

– Есть у него молоко – сам видел, – подтвердил Чуев. – Было по крайней мере. Он что-то привозит для всего лагеря,

типа каш и консервов, а что-то по индивидуальным заказам.

– Может, лучше пивка, Пчелкина? – спросила страдающая голова из соседней палатки. – Ты вчера сама не своя была. Когда к нам залезла. На четвереньках. Предлагала разные услуги. Сексуального характера. Не помнишь?

– Ты debil, Курочкин, – зевнув, сказала Юля. – Не знал?

– Мы даже испугались. Такая активность!

Юля выстрелила глазами:

– Скройся.

– Злая ты сегодня, а вот ночью...

– Дама сказала – скройся, – кивнул гигант Чуев.

– Не пугай! А вот мы по пивку, – сказала голова. И, повернувшись вполоборота, спросила: – Точно, Кащин?

– Точно, – тяжело отозвался другой их однокурсник из палатки. – Пива! Пива! – закричал он так, как будто требовал чуда. – И Пчелкину!

Юля с улыбкой вздохнула:

– Дебилы. Отведи меня к нему, Саня, к этому чудесному старичку, я тоже молока хочу. Так хочу, что сил нет.

И вдвоем с Чуевым они пошли искать Трофима Силантьевича.

За последние двое суток, включая долгую пирушку в поезде, студенты успели истребить весь провиант, купленный в Москве и на станциях. Молодым много никогда не бывает! Поэтому на поставщика продуктов Трофима Силантьевича набросились так, как набрасывается стая голодных волков на

несчастливого заблудившегося ягненка. Но Трофим Силантьевич себя ягненком не чувствовал. Напротив, он чувствовал себя хозяином положения. Благодетелем! Кормильцем! Дарующим жизнь. В лагерь местному повару он привез гречку и пшено, рис и макароны, сухое молоко и тушенку, а вот ребятам продавал печенье и конфеты, сигареты, минералку и пиво, которое, разумеется, прятал от руководителей экспедиции. Вялые после разгульной ночи археологи довольно живо разбирали все, что было у старого фуражира.

Подоспели сюда Курочкин и Кашин.

– А травки нет, Трофим Силантьевич? – спросил первый и стал многозначительно перемигиваться с другими.

– Какой еще травки? – нахмурился старик.

– Ну, сам знаешь, покурить? – лукаво продолжал студент.

– Высечь бы тебя, умник, – погрозил кулаком Трофим Силантьевич. – Плеткой.

– Чего, пошутить нельзя? – развел руками тот. – Я за чаем. Пять пачек.

– Курочкину чаю не давать! – крикнул кто-то. – На него не напасешься! Он чифирить будет!

– Я что, больной? – воспротивился тот. – Я пивко предпочитаю. Про запас я!

Но вопрос о чифире тронул Трофим Силантьевича за живое. Всесильный профессор Турчанинов грозил ему в воображении пальцем.

– Иди крапиву лопай и одуванчики нюхай, – бросил Ку-

рочкину старый фуражир. – Чифирь – он не для всякого ума годен! Ты и так хлипкий, тебе с чифирю видения будут.

Но пару пачек продал. Пегая лошадь отмахивалась хвостом от мух и трясла головой. Подвода пустела на глазах. Ребята тащили покупки в обеих руках. Теперь только через неделю жди старика.

– А молоко есть? – спросила подоспевшая Юля. – Трофим Силантьевич?

Старик оглядел юную красотку и сразу потеплел глазами. Красавица с нежным лицом, с веселыми зелеными глазами! Да еще просьба ее тронула.

– Молочка хочешь, красна девица?

– Очень, дедушка! – взмолилась та.

– И побольше, – добавил Чуев, встав за ее спиной. – Ей оздоровиться надобно.

– Всем вам после вчерашнего заезда надобно оздоровиться, – со знанием дела рассмеялся старик. – Будет тебе молочко, милая, для тебя припас! – кивнул старик и скоро достал две коробки молока.

Юля цедила молоко и наблюдала, как запоздавшие ребята раскупают последние съестные припасы.

– Ты идешь? – спросил Чуев.

– Иди к нашим, я скоро буду.

– Чего надумала, Белоснежка?

– Да ничего, ты иди, иди.

– Ладно, – ответил тот и ушел.

Юля попутно выглядывала и своего вчерашнего кавалера, но его точно и не было вовсе. Куда он делся? Она вспоминала их нежные объятия, едва скрывала улыбку и, кажется, краснела. Потом Юля обошла повозку, погладила пегую кобылку по щеке. Лошадь посмотрела на нее карими и пронзительно блестящими глазами и добродушно тряхнула головой. Чудо, а не лошадка! Только замученная совсем. Юля вновь обошла телегу и едва лоб в лоб не врезалась в своего ночного друга.

– Ой! – вскрикнула она и, уставившись на молодого человека, засмеялась. – Привет.

– Привет, – кивнул он. – Мне сказали, что тебя здесь видели.

– Не соврали. Ты как, Гоша? Головка бобо?

– Головка бобо. Но я не Гоша. – Молодой человек отрицательно покачал головой.

– Нет?!

– Нет.

Юля заново оглядела его: он был высоким, сухощавым, плечистым. Темно-русый. С открытым лицом, большими голубыми глазами.

– Вот я наклюкалась...

– Точно.

Прижав к груди ополовиненную коробку молока, Юля повинно кивнула:

– Прости, Гарик, ради бога прости.

– И не Гарик я. Вчера раз десять тебе сказал. Не помнишь?

– вздохнул он.

– Не-а. А кто ты? Леопольд? – жалостливо улыбнулась Юля.

– Я – Георгий.

– Точно! – Она даже ладонью хлопнула его по груди. А потом саданула легонько себя по лбу. – Георгий! Ну как я могла забыть? Гордое имя. Победоносец. А фамилия?

– Малышев.

– Точно, – кивнула Юля. – Ну, это хорошо, что фамилия не соответствует образу и фактуре. А то было бы чересчур. Молока хочешь? – и она протянула Георгию коробку.

– Нет, я для нас сок купил, – сказал он. – Два литра.

– Да ну? – Юля сделала большие глаза. – Прямо для нас?

– Да, апельсиновый. Ты любишь?

– Очень. Позаботился, значит?

– Ага. Первым пришел.

– Спасибо, Георгий. – Ее зеленые лисьи глаза лукаво сверкнули, голос стал тише: – Я кое-что помню из этой ночи...

– Я тоже, кое что, – тихонько признался молодой человек и взял ее за руку.

– У тебя такие сильные объятия...

Он польщенно улыбнулся:

– А ты такая... такая...

– Какая?

– Нежная. Такая, что у меня, – он зашептал, – до сих пор

голова кружится. Вот ты какая.

– Спасибо.

А старый фуражир тем временем стал собираться в дорогу и даже сказал вслух:

– Ну, пора мне. До дома, до хаты! Слышь, молодежь? Вы там чо, коня моего заговариваете? Так не старайтесь – он и так у меня заговоренный. За вами не пойдет.

Юля тотчас оказалась перед стариком и спросила в лоб:

– А прокатите нас с другом до дороги – мы вам заплатим. На тележке проехаться так хочется! Правда, Георгий?

Молодой человек нахмурился, но промолчал.

– Да за что ж я с вас деньги буду брать? – усмехнулся Силантьевич. – Садись, молодежь! Красавка только рада будет.

– Красавка – это лошадка ваша? – спросила Юля елейным тоном.

– Она. Садись!

Георгий подхватил Юлю, как перышко, и посадил на край телеги. Запрыгнул сам. И скоро они выехали из лагеря. По дороге им встретилась Зоя, но ее стеклянный взгляд лишь безразлично скользнул по однокурснице.

– Ну как, качает? – управляя лошадыю, спросил старик.

– Супер!

– Это хорошо, стало быть?

– Очень хорошо, – откликнулась Юля. – Трофим Силантьевич, а скажите, это правда, что места эти – загадочные?

– Что значит – загадочные, дочка?

Георгий тоже взглянул на свою спутницу, не понимая, куда она клонит.

– Что тут какие-то странные люди живут... на острове?

Юля даже не знала, о каком острове шла речь. Спрашивала наобум. Куда кривая выведет.

– А-а, вон ты о чем. Об островке об этом. Да о чем только люди не толкуют, – отмахнулся Трофим Силантьевич. – Языки-то у всех длинные!

Старику явно не хотелось говорить на эту тему. Но почему? Юля догадалась: профессор и его окружение провели с Трофимом Силантьевичем разъяснительную беседу.

– А что за остров? – спросил Георгий.

– Тсс! – тихонько толкнула его локотком Юля.

– Чего? – удивился он.

– Говорю: тсс, – повторила Юля и тотчас пошла в любовую атаку: – Я слышала, что в этих местах люди бесследно пропадают. Это правда?

– Люди? – сморщился Георгий. – Пропадают? Тут?

– Ой, красна девица, – покачал головой Трофим Силантьевич. – Это кто ж тебе такое порассказал-то? От кого слышала-то ужасы такие?

– От нашего руководителя. – Юля взяла Георгия за руку и сжала его пальцы, что означало: не мешай мне! Я знаю, что говорю.

– Да неужто от самого? – удивился возница.

– Да, Венедикт Венедиктович рассказал, – нагло соврала

она. – Но только мне, потому что я пишу об истории этого края. Вашего края, Трофим Силантьевич. Большую курсовую работу пишу!

– А-а, вона чо! – кивнул тот. – Это дело хорошее.

Из перелесков они выехали в поле, и теперь ровное зеленое море расстилалось справа и слева от них. Под пронзительным бирюзовым небом. И в этом море все стрекотало, пело и жужжало, шумело на все голоса. И жарило, жарило полуденное солнце.

– Так как, Трофим Силантьевич? – поторопила старика Юля.

– Да бывало, дочка, раз в пятилетку. Охотник, бывало, заблудится, хватятся, а нет его. – Силантьевич легонько подхлестывал кобылу. – А бывало, что из наших кое-кто не возвращался...

– Да неужто с концами? – удивилась Юля.

– Еще как с концами! – кивнул старик. – Как в воду.

– А что говорят? – поинтересовалась девушка. – Люди? Вы не подумайте, Трофим Силантьевич, я вашего имени упоминать не буду, – спохватилась она, – все будет от меня, автора.

Георгий недоумевал. Его хитрая подружка, похожая на очаровательную лису, явно не просто так напросилась на поездку со стариком в его телеге.

– Да люди чего только не говорят, – тряхнул вожжами Силантьевич. – Может, зверь задрал, может, утонул. Тут же бо-

лота есть. Расщелины. А что в городе, люди не пропадают?

– Еще как пропадают.

– Вишь, дочка, все как везде!

– Ну так ваших пропавших искали, наверное? – не вытерпел и возмутился Георгий. – Как же это так – взял и пропал человек? Не тайга же.

– Да искали, конечно, ну так на то он и лес, чтоб зайти туда и не вернуться, – весело и мрачно одновременно рассмеялся Силантьевич.

– Не понимаю, дикость какая-то, – вырвалось у Георгия.

– А ты свое недовольство болоту объясни, добрый молодец, или зверю какому. Тут ведь и рыси были, и кабаны, и медведи!

– Белые? – иронично спросил Георгий и получил тычок локтем от спутницы.

– Умничаешь, да? – в ответ спросил Силантьевич. – Ну-ну, – и покачал головой. – Он мне не нравится, барышня, кавалер твой. Дерзкий больно! Вот был у нас такой, дерзкий, Саввой звали, лет двадцать назад. – Старик подхлестнул кобылу. – Пропал. Искали – не нашли.

– Я с вами не спорю. Но вы о пропавших людях говорите так, точно это коты какие-то, – решил постоять за себя и за несчастных Георгий. – Ушел и не вернулся! Пропал, и ладно.

– И ничего не ладно: говорю же – искали! – помрачнел старик. – Да не нашли. Чего тут не ясно?

– Вы его простите, Трофим Силантьевич, молодой чело-

век из Москвы. Привык по-другому смотреть на жизнь.

– Из Москвы! – присвистнул старик. – Да у вас там сколько миллионов бок о бок друг о друга трется? То ли десять, то ли больше. Вот где люди-то десятками каждый день пропадают, а то и сотнями!

– Да откуда вы знаете? – воспротивился Георгий.

– Да оттуда! Только кто тебе-то доложит, чой в твоей Москве происходит-то? В муравейнике вашем. Тоже мне, из Москвы он! Вам хоть тыща пропади – не заметите. Хоть десять тысяч. Сплюнете и дальше пойдете.

Резкое замечание провело враждебную черту между фуражиром и молодым историком. Юле надо было все исправить, и срочно.

– С Москвой все и так ясно, это и впрямь муравейник, – поддержала она старика и за его спиной погрозила спутнику кулаком.

– Во! – кивнул возница. – Соображаешь!

– Мне про ваш край интересно, Трофим Силантьевич. Разные подробности!

– Подробности, говоришь?

– Ага, – очень искренне отозвалась Юля.

И тут старик решил пооткровенничать, но только с девушкой, полностью игнорируя пассажира.

– Но меня ваш профессор предупреждал: мол, не страшай ребят-то. А то некому будет продукты возить. Но коли он тебе сам рассказал, тогда другое дело.

– Очень интересно, – скромно пропела любопытная студентка.

– Мы о том толковать не любим, дочка. У нас в Раздорном о том молчок. Даже между своими. А кто со стороны, тот и слова о том не услышит. Недобрая слава об этих местах ходила и ходит, ой недобрая! – Старик даже головой покачал для пущей убедительности. – В наших местах ведьмаки жили.

– Настоящие? – удивилась Юля.

– А коли не настоящий, то и не ведьмак, – ответил старик. – И не сто лет жили, а поболее. Тут ведь, в этих лесах, на этих озерах, много тайных мест! Веришь в тайные-то места, дочка? Или как?

– Верю, – выпалила Юля.

– А вот я не верю, – ровно заметил Георгий. – И в ведьмаков не верю.

– Ну и не верь, я с барышней говорю, – буркнул старик.

Юля больно ущипнула спутника за локоть, и тот едва не подпрыгнул. Но замолчал.

– Ты на озере-то нашем была? – прервал паузу Силантьевич. – Или первый раз туточки?

– Первый. Туточки.

– Понятно, – кивнул старик. – Вот тогда и сходи на озеро. Оно в километре от вашего лагеря-то. Рукой подать. Но тут только в залив упретесь. А надо еще километра полтора вдоль берега пройти. Тогда оно и откроется. Во всю ширь!

Там, на середине, большой остров имеется. Он всегда как будто в тумане. Точно остров сам по себе, а большая земля отдельно. Словно прячется он ото всех.

Георгий тер локоть и зло посмеивался – он был материалистом и скептиком. А вот Юля хмурилась. И слушала, впитывала. Прямо небылицы какие-то! Но зачем старику врать? Да и проверить легче легкого – возьми да сходи.

– Кто к этим местам приближается, тот холод чувствует.

– Это как так? – вырвалось у Юли.

Телега подпрыгнула, и всех тряхнуло.

– А вот так. Могильный холод, – усмехнулся старик.

– Байки из склепа, – усмехнулся Георгий. – Ни с того ни с сего холода не бывает, уважаемый Трофим Силантьевич.

– Ишь ты!

– Да-да.

– То-то и оно, что с того и с сего, – продолжал старик. – Коли б просто так! Ан нет. На этом острове ведьмы и сейчас живут...

– Как это – ведьмы? – изумилась Юля.

– А вот так, красавица. Самые что ни на есть колдуньи. Оттого никто из наших к острову и близко не подплывает. Рыбаки ходят по озеру, но к туману – ни-ни. Благо озеро огромное – есть где порыбачить.

– На метлах небось по ночам кружат, а? – спросил Георгий. – Ведьмы-то ваши? С «холодного» острова?

– На метлах кружат или нет, не знаю. Но ты угадал, моло-

дец, остров так и зовется – «Холодным». И слава у того острова недобрая испокон веку. Когда егерь Суконкин пропал – его искали. Все искали. Тогда и на остров милиция приезжала. Искали останки. Не нашли. И когда охотник Кормильцев пропал. И Пшенкин, сетью рыбку решивший половить. И девушка одна из Раздорного. Лет двадцать назад. Ее брат все искал. Ведьмак с Холодного острова тогда еще был жив, старый черт! Лет пять назад помер, говорят. Только бабы его, ведьмы, и остались.

– И кто они, эти ведьмы? – спросила Юлия.

– Три женщины: бабка, мать и дочь.

– А мужчин у них больше не было? – спросила Юлия. – После этого ведьмака? Как они одни-то живут и почему?

– Ведьмак – разговор особый. Он им за хозяина был. Руководил ими. Ты – туда лети, ты – сюда. А ты – харч вари, из хвостов змеиных. Метлы им стругал, заговаривал.

– Ха! – выстрелил смешком Георгий.

– Чего ржешь-то, молодец?

– Да так.

– А-а, ну раз так, тогда ладно. Смех смехом, дочка, но иногда они за продуктами-то и в Раздорное приезжали. Ведьмы эти.

– Прилетали, в смысле? – решил поправить рассказчика Георгий. – На метлах?

– Эх ты, бестолковый. Ведьма – она ж не дура! Разве она днем на метлу сядет? Где учили тебя?

– В МГУ.

– То-то и оно, что «му да му». Днем ведьма в гости к тебе придет – ни шиша ты в ней не поймешь. Скажешь: баба и баба. Разве что глаз с прищуром. Ведьма должна ночи дожидаться, чтобы ведьмой стать. А так бы их всех переловили давно. Днем ведьма за красну девку себя выдаст, а ночью в злую старуху обратится. Днем все выведает, а ночью к тебе в окошко влетит и заберет все, что дорого.

«А старику палец в рот не клади, – улыбалась про себя Юля. – На раз обставил трезвомыслящего умника».

– Один-ноль, – сказала Юля своему кавалеру. – И не в твою пользу, кстати. Значит, больше никаких мужчин у них не было?

– А что мужчины? Им, ведьмам, мужчина только на раз нужен. Если это обычный мужичонка. Попользовала его ведьма по мужской части, дабы зачать, а потом – в расход его.

– Как это – в расход? – удивилась Юля.

– Да так! – рассмеялся старик. – Так у них заведено. А потом могут русалкам отдать – опоить и в озеро бросить. А те-то похотливые! Развратницы они, русалки-то. Хоть и рыбы наполовину. – Старик довольно ловко обернулся и подмигнул Юле. – Так народ говорит, дочка!

Георгий застонал даже:

– Двадцать первый век на дворе, Трофим Силантьевич, слышали о том?

– А ты слышал старинную поговорку: за рекой живут

нелюди? – ответил вопросом на вопрос разговорчивый старик.

– Представьте себе, слышал. Только это очень древняя поговорка. Языческая.

– Я ученых слов не знаю. Но ты меня понял. Так вот, на том острове не люди живут – нелюди. Так народ говорит. И давно говорит! А народ не переспоришь, умник городской.

– Нам не пора назад? – спросил Георгий. – Ты еще не все легенды местного края выведала?

– На сегодня хватит, – согласилась Юля. – Спасибо вам, дедушка Трофим, за рассказ. Нам еще назад возвращаться. В следующий раз придете – я хочу еще послушать.

– Тпру, Красавка! – остановил он кареглазую уставшую кобылу. – Только с профессором вашим молчок. Строгий Венедикт-то.

– Заметано, – кивнула Юля.

Георгий спрыгнул с телеги, подхватил на руки Юлю и поставил рядом.

– Я вам что сказать-то хотел, – окликнул их старик.

– Да, Трофим Силантьевич? – призывно кивнула Юля.

– Места у нас и так непростые, а вы, археологи, тут еще демона злющего откопали.

Он медлил. Молодые люди переглянулись.

– Ну, не то чтобы демона, – заметила Юля.

– Демона-демона, – покачал тот головой. – Так вот, нехорошо это.

– Ну, мы же археологи, – словно извиняясь, вздохнула Юля.

– А это неважно. Мне про него как рассказали, давно это было, так я аж за сердце схватился. Первый раз в жизни. Демонов не откапывать надо, красавица, а обратно под землю упихивать. Ясно? И чтоб поплотнее землицей сверху при-топтать. И святой водицей окропить. Думаете, нечисть просто так селится там или сям? Ан-нет! Ее друг к другу так и тянет. И так у нас это Русалочье озеро, да еще с островом, как бельмо в глазу, а тут еще и демона на блюде. Плохо это, ребятки, ой как плохо. К новой беде.

Прежде Трофим Силантьевич говорил отчасти шутливым тоном, но сейчас его слова прозвучали иначе.

Георгий снисходительно покачал головой:

– Теперь не уснем.

– Ты поживи с мое, молодец, и повидай с мое, а потом уже головой качай, как жеребенок некормленный, – заметил Силантьевич. – Ладно, поеду я. Ты его учи уму-разуму, – посоветовал он Юле. – Бестолковый он у тебя!

Георгий заскрипел зубами.

– Буду, – пообещала она.

Юля получила за дружескую беседу бутылку «Буратино» бесплатно. Они попрощались с фуражиром. Дед Трофим чмокнул воздух, бросил короткое: «Но!» – и натянул вожжи. Заскрипев, телега покатила прочь.

Они двинули пешком обратно в лагерь.

– Средневековье, – пробурчал Георгий.

– Зря ты. Они живут в своем мире сказок и загадок, – заступилась за старого фуражира Юля.

– Вот я и говорю: средневековье, – опять пробурчал тот.
– Причем раннее.

4

После обеда началось знакомство археологов с культурным слоем Черного городища. Когда-то вокруг древнего поселения прокопали глубокую траншею, и с каждым годом границы городища стали сужаться. Новые археологические экспедиции вгрызались в гигантский квадрат земли, продвигаясь к каменистой горе в центре, покрытой земляным слоем. Ничего нельзя было упустить! Под ногами должен был оставаться «материк», так археологи называли природную твердь, никогда прежде не обживаемую людьми. В те времена археологи еще не знали, что в глубине горы стоит идол, только предполагали, что у горы существует сакральное значение. Но какое? Квадрат Черного городища год за годом сужался, по пути археологи аккуратно откапывали черепки и косточки, изредка находили изъеденные коррозией наконечники стрел и ножи, натыкались на стены домов и могильников. Так нашли сотни сожженных скелетов. Затем старатели не вытерпели и прорыли еще одну траншею – и подобрались к горе. И стали обводить ее новой траншеей, пока

не наткнулись на вход в пещеру и не обнаружили, что гора – это созданный природой языческий храм.

Каждой новой группе археологов хватало работы. Культурного слоя для разработки оставалось еще на долгие годы.

И вот, стоя после обеда на вершине горы со своими студентами, профессор Турчанинов сказал:

– Мы до сих пор не нашли ни одной могилы вождей этого племени. Я не исключаю, что именно вы, коллеги, именно ваша группа наконец-то раскопает подобную могилу. И могилу жреца, кстати. Но для этого вы должны работать не покладая рук. Слышите, Курочкин и Кащин? – обратился он к самым унылым и обессиленным своим студентам. – Слышите меня, бедолаги?

– Мы слышим! – слабо отозвался Курочкин.

– Внимаем каждому вашему слову! – бессильно простонал Кащин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.